

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЗАЛОГОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Н.Д. Байгашканова

Приведено описание словообразовательных средств выражения грамматических значений страдательного залога в двух языках в сопоставительном аспекте и определены признаки их родства.

Ключевые слова: залог; словообразование; немецкий язык; русский язык.

Предметом нашего изучения являются сложные слова с позиции представления ими на своем поверхностном уровне изограмматических признаков залоговых значений в современном немецком и русском языках. Особый интерес представляют случаи, когда, согласно научным воззрениям Р.З. Мурысова, грамматические ка-

тегории одной части речи находят своё неоднозначное выражение в словах другой части речи, родственные отношения которых связаны средствами словообразования [1, 2]. Основным, т.е. грамматическим средством выражения залоговых отношений в языке являются, как известно, переходные глаголы, формирующие на уровне

предложения его главные аргументы – субъекты и объекты [3; 81]. Скрытые признаки данных отношений можно обнаружить также и на других участках языковой системы, например, в словообразовательном её строе. И это не является какой-то случайностью, поскольку основные грамматико-категориальные признаки глаголов в акте словопроизводства не растворяются бесследно в общем корпусе языковых единиц, а в ином преобразованном виде находят свой материальный выход в тех или иных словообразовательных формантах, а именно, в суффиксах, полусуффиксах, а также в базовых морфемах дериватов.

К словообразовательным средствам выражения залоговых и сопутствующих им модально-пассивных отношений относятся в немецком языке следующие суффиксы и полусуффиксы *abel/-ibel, -bar, -haft, -lich, -sam, -wert, -würdig, -reif, -bereit, -fertig, -heit, -nis, -er* и др., которые “в сжатой компрессивной форме – в форме одного слова – выражают изограмматические признаки залоговых значений” [2; 68].

Сложные существительные состоят, как правило, из двух и более основ, одна из которых в грамматическом плане будет главной, т.е. опорной, а другая подчиненной, т.е. зависимой по отношению к её главной, или стержневой, части. Например, *Volksmörder, Tennisspieler, Wolfjäger, кровопиец, писмоносец, водонос, мукомол, каменотёс* и др. и их внешние формы делают возможным определение тех или иных признаков морфологического триединства “агенса-предикатпациенса”. Сложные имена являются микросинтаксическими образованиями, логикокомпонентный анализ которых позволяет однозначно и чётко обнаружить в их внутренней структуре латентные компоненты грамматических, в нашем случае залоговых, значений [1; 24], например: **Deutschlehrer**, d.h. *ein Fachmann, der fuer den Unterricht der deutschen Sprache und Literatur ausgebildet ist/worden ist*; **Bremsanlage**, d.h. *eine Anlage, die das Bremssystem eines Autos steuert*; **Wasserrohr**, d.h. *ein Rohr, durch das das Wasser geleitet wird*; **Gemüsefritze**, d.h. *ein Mann, der Gemüse verkauft*, *Quatschmichel, Flüsterlotte, Quasselmeier, Volksmörder, Tennisspieler, Wolfjäger, Kulturschaffender, Kunstgelehrte(r)* [1; 109] и так далее.

Русские примеры: литограф – специалист или мастер, связанный с литографическим делом; костоправ – человек, умеющий вправлять суставы при вывихах; косторез – специалист, занимающийся резьбой по кости, а также лесоруб,

овощевод, охотовед, стеклодув, огнетушитель, мантоварка, чеснокодавка и др.

Следует однако заметить, что композитальные имена как по форме, так и по содержанию не совсем идентичны своим свободным синтаксически развернутым трансформам, поскольку сложения в рассматриваемом случае выражают агентивные признаки, а предложения, как правило, действия, процессы, состояния, оценку [4; 110]. Полусуффиксальные существительные с формальной точки зрения представляют собой сложные слова, образуемые путём сложения двух или более основ в одно слово, но семантически характеризуются самыми разнообразными отношениями между собой. При данном способе производства слов, согласно проанализированным примерам, происходит взаимное слияние значения опорной основы со значением её зависимой части. Полусуффиксальные элементы в составе сложных слов образуют семантическое ядро и, сдвигаясь “влево”, содержательно дополняют её первую часть. В конечном итоге, словообразовательное значение сложных существительных формируется путём преобразования составных компонентов предикативной конструкции в сложения и представленные в них залоговые признаки носят усечённый, редуцированный характер. В опорной основе композитальных имён содержатся, как правило, отглагольные существительные или корневые основы глаголов с признаком действия, а первые части сложных слов могут конкретизироваться значениями второстепенных членов предложения, например, со значениями дополнений или разнообразных видов обстоятельственных отношений [5; 32], например:

Krankenpfleger, jmd., *der die Kranken pflegt*; **Landschaftsmaler**; jmd., *der die Landschaften beschreibt*; **Weltraumfahrer**, jmd., *der eine Fahrt oder eine Flugreise in den Weltraum geleistet hat*; **Dampfhammer**, ein Hammer, *der mit dem Dampfstoß betrieben wird*; **Marktschreier**, jmd., *der auf dem Marktplatz schreit*; **Schnelllastwagen**, d.h. ein Lastwagen, *der schnell fährt*; **Sprengstück** “ein Einzelstück, das nach dem Sprengen gebildet worden ist”, **das Bauwerk** “was gebaut steht”, **das Schüttgut** d.h. ein unverpacktes Gut, *das durch das Schütten umgeladen wird*, **Heulsuse** (ein Kind, *das immer heult*) “нытик, плакса, зануда”, **Lachmarie** (eine Frau, *die immer lacht oder gut gelaunt ist*) “хохотушка, хохотунья”, **Nörgelpeter** (ein Mann, *der immer nörgelt*) “задира, скандалист”, **Klettermaxel** (ein Mensch, *der gut und geschickt klettert*) “вор-форточник”; **лицедей** “тот, кто изображает

чужие лица и образы”; золотошвей “тот, кто вышивает узоры золотыми нитками” [4; 109] и др.

Словосложения являются, как считает Р.З. Мурысов, продуктом номинализации синтаксических структур и в них в компрессивно свёрнутом виде можно обнаружить следы (отпечатки, сгустки, остаточные явления) предикативных и присловных отношений между слагаемыми сложения частями. Изложенное выше даёт нам основание полагать, что те отношения, которые складываются на предикативном уровне, в суженном, сокращённом виде продолжают сохраняться и на уровне словообразовательном, с той лишь разницей, что в акте номинализации на поверхностном уровне сложений происходит превращение главных (стержневых или вершинных) и второстепенных компонентов двусоставных конструкций в деривационные структуры в виде основ, суффиксов и полусуффиксов, по которым в дистрибутивном порядке разносятся те или иные признаки залоговых отношений [5; 49]. Ср.: *Schullehrer, Kinderarzt, Reisegenosse, Bodenprüfer, Postbeamte(-r), Blumenhändler, Heul-suse, Korbmacher, Saisongehilfe, Porträtmaler, Kaffeebrenner, Funkempfänger, Schneelader, Beton-mischer* и др.

Русским композитам также присуще выражать в латентной форме те или иные признаки грамматического залога, например: *картофеле-сажалка, зернопротравливатель, сеновороши-тель, зерносушитель, бомбометатель, море-плаватель, ясновидец, кровопиец, водочерпалка, рогоносец, письменодец, водонос, мукомол, каме-нотёс, копыносец, меченосец, бетономешалка, сноповязалка, соломорезка, хлеборезка, соковы-жималка, льнотрепалка, зернодробилка, вино-кур, бракодел* [6] и так далее.

Как явствует из примеров, трёхчленная грамматическая структура “агенса-предикат-пациенс” в современном русском языке находит своё неоднозначное субстанциональное воплощение и на словообразовательном уровне, заметно проявляемое, например, при производстве сложений, содержательно-строевой анализ которых установил их следующие признаки: агенс представлен суффиксом или полусуффиксом, предикат – глагольной основой, интегрированной в состав агента, а пациенс – первой частью сложного слова, являющимся по отношению к агентивно оформленному опорному компоненту объектом воздействия, т.е. дополнением. Изученный материал композитов выявил свыше 50 знаменательных слов и корневых основ переходных глаголов типа *-вар, -вод, -воз,*

-дел, -лов, -вед, -мер, -дув, -рез и др., структурно-конфигуративным образом представленных во внешнем составе сложений в качестве опорных (полусуффиксальных) частей и способных при этом в регулярной форме производить определённое количество сложных существительных с агентивным признаком, например: (корабле-, мосто-, машино-) строитель (тот, кто строит корабли, мосты, машины), (тряпко-, соломо-, хлебо-)резка (то, что режет тряпки, солому, хлеб), (путье-, трубо-, лесо-) укладчик, (лунко-, ямо-, свёкло-) копатель, (шумо-, дымо-, жиро-) поглотитель, (товаро-, дело-, табако-)производитель; (змее-,рыбо-, зверо-)лов, (пыле-, дымо-, крово-) сос, (водо-,огне-, пуле-) мёт, (газо-, водо-, угло-) мер [7] и др.

Большинство сложных существительных образуется, как видно из примеров, путём универбации, т.е. путём свёртывания основных строевых единиц предложения в именные производные [4; 111], например: человек, который всю жизнь верен одной своей любви, т.е. тот, кто всю жизнь любит только одного человека → он однолюб; тот, кто носит или носил знамя воинской части → он знаменосец; прибор, который предназначен варить или молоть кофе → это кофеварка или кофемолка и другие.

Исходя из изложенного выше следует, что сложные слова представляют собой “структурный минимум выражения синтаксических отношений”, внутренняя изнанка которых даёт нам возможность установить на их глубинном уровне наличие или присутствие грамматических признаков залоговых отношений [1; 212]. Одним словом, по справедливому замечанию Л.П. Катлинской, “формула описания значения производного обычно сводится к типовым синтаксическим конструкциям, где знаменательные слова соотнесены со смыслом производного слова и одновременно отражают характер реальных отношений между соответствующими предметами или явлениями действительности, наименования которых мотивационно связаны” [7; 88]. Некоторые производные типа немецкого *Einsetzer* или русского слова бой в своём совокупном наборе сем содержат, как пишет в своих исследованиях проф. Р.З. Мурысов, скрытые признаки изограматической залоговой энантиосемии, поскольку данные имена одновременно содержат в своей внутренней форме семемы агента и пациента [5; 92]. Ср. *Einsetzer* 1) рабочий по загрузке печи; 2) добавочный вагон, вводимый в часы пик; 2) бой в своём первом активном значении это всегда битва, сражение, борьба, состязание,

а в пассивном – это битый товар, т.е. то, что разбито, и выявление грамматикоподобных значений становится возможным благодаря разложению их внутрисловных отношений [7; 54].

Подводя итоги, можно сказать следующее:

1. Производное слово наследует от производящего определенные свойства, зависящие от принадлежности последнего к той или иной части речи. Это означает, что на поверхностном уровне полусуффиксальных слов можно обнаружить в весьма отдалённой форме все признаки субъектно-объектных отношений, полновесно и рельефно извлекаемых путём разворота их внутреннего синтаксиса. Данные признаки передаются имплицитно, т.е. косвенно, в компрессивно свернутом виде.

2. Полусуффиксальные слова в сложной веренице залоговых значений относятся к числу неграмматических форм представления смысловых признаков категориальных (залоговых) значений.

3. Характеризуемые имена располагают внутренним синтаксическим строением и в номинализованной форме сохраняют за собой все содержательно-строєвые составляющие внешней синтаксической экспансии, например: *Markthelfer*, d.h. *jemand, der auf dem Markt hilft*; *Heerfuhrer*, d.h. *jemand, der ein Kriegsheer anführt*; ледобур – то, что бурит лёд; снегопах – с/х орудие, предназначенное для глубокого вспахивания снега зимой [7] и другие.

4. Полусуффиксальные имена в русском языке относятся к числу неканонических средств вы-

ражения грамматических признаков залоговых отношений, например: *богомол, ухорез, сердцеед, кашевар, дырокол, рыботорговец, золотопромышленник, кормозаготовитель, врагоненавистник, мед-работник, налогооблагатель, работодатель, лактометр, термостат* [7] и другие. В качестве опорных частей представленных выше сложений могут встречаться в русском языке, в отличие от немецкого языка, усечённые формы корневых основ переходных глаголов.

Литература

1. *Мурашов Р.З.* Словообразование и функционально-семантические категории: на материале суффиксальных существительных немецкого языка. СПб.: ИЛИ РАН, 1993. 225 с.
2. *Murjazov R.Z.* Isogrammatische Merkmale der deutschen Wortbildungen // *Deutsche Sprache*. Berlin: Mannheim, 1994. S. 66–86.
3. *Мурашов Р.З.* Сопоставительная морфология немецкого и башкирского языков. Глагол. Уфа: БашГУ, 2002. 172 с.
4. *Габдуллин С.С.* Изограмматические средства выражения залоговых значений в современном немецком и русском языках // *Вестник Башкирского университета*. Уфа: РИО БашГУ, 2006. №4. С. 109–111.
5. *Мурашов Р.З.* Изограмматические залоговые оппозиции // Сб. науч. тр. “Язык–96”. М., 1996.
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. С. 54.
7. *Катлинская Л.П.* Живые способы создания русских слов. М.: Изд-во Прометей, 1995. 168 с.